

Кейт Блейз

**ПОДОНКИ:
ПЛЕНИ И СЛОМАЙ**

УДК 82-312.4
ББК 84-4
Б68

Блейз К.
Б68 Подонки: Плени и Сломай / Кейт Блейз – М.: Литнет, 2026. – 226 с.

ISBN 978-5-521-99767-1

Он — хищник, привыкший забирать. Он превращает покорность в искусство, а доверие — в самое острое оружие. Кейн Вулф не знает поражений, потому что его стихия — контроль. Среди тех, кто без борьбы падает к его ногам, ему скучно. Ему нужна женщина, способная сопротивляться до последнего вздоха. Она — запретный плод, выросший за высокой стеной правил. Кэтрин — дочь священника, чья жизнь расписана по нотам церковного хора. Она никогда не знала вкуса греха и не подозревала, насколько сладким он может быть. Случайная встреча сталкивает их, как лёд и пламя. Кейн считает её чистоту холстом, на котором он хочет оставить свой след. Он вторгается в её мир размеренной святости, чтобы доказать: перед настоящим желанием не устоит даже самая невинная душа. Игра, начавшаяся как охота, превращается в войну, где проигравший оказывается совсем не тем, кем казался. За маской жестокого коллекционера скрывается чудовище с разбитым прошлым. Самая светлая девушка, которую он хотел погубить, сама выбирает тьму, чтобы разрушить их обоих. Стиль: *slow burn* — история, в которой напряжение нарастает постепенно, а каждое прикосновение и каждое слово приближают неизбежное.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436 - ФЗ.

ISBN 978-5-521-99767-1

© Литнет, 2026
© К. Блейз, 2026

Обращение от автора.

Вы держите книгу, где Библия соседствует с плетью, а молитва обрывается стоном. Это история не о хороших и плохих. История о том, как легко принять демона за ангела, а собственное желание — за грех.

Мне важно предупредить: вы не найдёте здесь безопасных границ. Герои падают. Им больно. Они предают и оказываются преданными теми, кто должен защищать. Я не строю светлую арку искупления. Я исследую момент, когда человек сам решает, какой ценой он готов стать собой.

Если вы сейчас ищете лёгкое чтение, отложите эту книгу. Если готовы смотреть на грех без романтизации и на чистоту без ханжества — проходите.

Триггерные предупреждения:

- Сексуальное насилие
- Принуждение и манипуляция несовершеннолетним (раскрыты как травмы детства)
- Физическое насилие
- Психологическое давление, газлайтинг, унижение
- Изнасилование в брачном контексте
- Абьюзивные отношения
- Смерть родителя (утрата в детстве)
- Нецензурная лексика

Пожалуйста, помните: ваша безопасность важнее любой захватывающей истории. Закройте книгу, если становится слишком темно. Я всё равно буду благодарна, что вы заглянули.

Глава 1: Право художника

– Тише, тише, – мягко произнес Кейн, проводя большим пальцем по мокрой от слез щеке девушки. – Все хорошо.

Она сидела на холодном черном мраморе пола, прижимая к груди скомканную одежду – ту самую, которую он несколько минут назад срывал с нее в порыве жесткой, выверенной страсти. Рыжие волосы разметались по плечам, глаза опухли, но страх исчез – остались лишь опустошение и странное, почти детское недоумение.

Кейн сидел напротив, небрежно откинувшись назад, опираясь на ладони. Ширинка его брюк была растягнута, рубашка помята – единственный намек на недавний хаос. Он наблюдал за ней спокойно, с легкой полуулыбкой. Вечер он продумал заранее: за час до ее прихода проверил температуру в комнате, выбрал самую мягкую плетель из коллекции, включил на повторе низкий эмбиент. Музыки она не слышала – только его голос. Так и задумано.

Ее спина, бедра – все оказалось испещрено красными полосами от его плети. Следы легли ровно, красиво, именно так, как он любил.

– Ты сама сказала, что хочешь большего, – напомнил он, и его бархатный голос не содержал и тени упрёка.

Девушка всхлипнула, облизала припухшие губы. Час назад она стояла перед ним на коленях, а он держал ее за волосы, задавая ритм, сжимая горло ровно настолько, чтобы она задыхалась, но могла продолжать. Она старалась. Он оценил. Мысленно он уже нанес на карту ее тела новые отметки – места, где кожа тоньше, где дрожь сильнее. Идеальный материал.

В ее взгляде читалось нечто новое – боль смешивалась с благодарностью. Кейн знал этот взгляд. Границы стерлись, и теперь она принадлежала ему – хотя бы на этот вечер.

Он протянул руку, откинул прядь рыжих волос с ее лица, обнажая

шею. На бледной коже темнели отпечатки его пальцев – он сжимал ее горло, контролируя каждое движение. Идеальный баланс. Он провел подушечками по синему пятну, и девушка вздрогнула – от нежности этого прикосновения.

– Ты прекрасна, – заключил он, и в его холодных глазах действительно мелькнуло нечто похожее на восхищение.

Он любовался ею. Свежие синяки на шее, припухшие губы, красные полосы на бедрах – все это легло ровно, как он и задумывал. Он провел пальцем по самому яркому следу на бедре, отмечая, как ровно легла полоса. Красиво. Ровно так, как он представлял, когда впервые увидел ее в том баре – гибкую, рыжую, с глазами, ищущими приключений. Она выдержала. Не сломалась раньше времени. За это стоило быть благодарным.

Партнерша всхлипнула громче, вытирая слезы тыльной стороной ладони.

– И что теперь? – спросила она тихо. Голос сел – последствия недавнего минета.

Кейн медленно поднялся, застегивая брюки, и направился к барной стойке из черного мрамора. Его босые ступни ступали бесшумно по полированному камню. Он взял бутылку виски и налил себе на два пальца в тяжелый хрустальный бокал.

– А теперь, крошка, – произнес он, делая глоток, – ты забереешь свои вещи и будешь вспоминать это всю жизнь. – Он повернулся к ней, на губах играла легкая улыбка. – И я уверен: ты запомнишь.

Девушка медленно поднялась, пошатываясь. Начала натягивать одежду – джинсы, футболку, белье, разбросанное по полу. Кейн следил за этим сквозь янтарную жидкость в бокале. Панорамные окна за его спиной открывали вид на ночной город, но взгляд его скользил только по ней.

– И ты знаешь: болтать нельзя, – добавил он ровно. – Твое согласие получено. Если я узнаю, что ты треплешься, – он сделал паузу, – буду решать вопрос иначе.

Девушка справилась с одеждой, подошла к нему. Встала напротив, все еще шмыгая носом, но в глазах уже появилась та странная смесь боли и надежды, которую Кейн так хорошо знал.

– Мы еще встретимся? – спросила она припухшими губами.

Кейн улыбнулся шире, почти торжествующе.

– Понравилось, значит?

Она молчала, но взгляд выдавал ее с головой. Ждала ответа.

Кейн допил виски, поставил бокал на мраморную стойку. Взял ее лицо в ладони – аккуратно, почти нежно, касаясь большими пальцами припухших скул.

– Нет, – сказал он твердо. – Ты не мой холст. И я не твой художник.

Она вздрогнула, но не отстранилась. Помолчала, кусая губу, потом выдавила:

– А имя? Мое имя? Ты даже не спросил.

Кейн покачал головой, усмехнувшись:

– Зачем? Имена стираются. Остается только рисунок. А твой рисунок я запомню.

Он отпустил ее, кивнул в сторону двери:

– В течение часа, как и после прошлой встречи, тебе придет перевод. – Он бросил взгляд на электронные часы на журнальном столике. – Можешь идти.

Она не двигалась. Тогда он провел ладонью по ее щеке, чувствуя под пальцами мокрые дорожки слез, и слегка коснулся большим пальцем ее припухшей нижней губы. Короткое прикосновение – последнее напоминание.

– Иди, – повторил он тихо.

Девушка развернулась и вышла, бесшумно закрыв за собой дверь.

Кейн остался один.

Он прошел к панели домофона, встроенной в стену, и коснулся экрана. Камера в холле показала, как она выходит из лифта, пошатываясь, придерживаясь за стену. Вахтер Майк поднял голову, проводил ее взглядом, потом посмотрел вверх, прямо в объектив,

и едва заметно усмехнулся. Кейн отключил экран. Завтра Майк будет улыбаться понимающе. Эту улыбку он ненавидел.

Он прошел в центр гостиной, остановился перед панорамным окном. Внизу мерцал ночной город – равнодушный, чужой, бесконечный. В комнате все еще пахло ею – терпкими духами, потом, возбуждением. Кейн глубоко вдохнул, задержал дыхание, потом резко открыл створку. Ночной воздух ворвался внутрь, мгновенно выстудив помещение. Запах исчез. Как и она.

В пентхаусе воцарилась тишина. Крики и стоны, еще недавно наполнявшие эту комнату, растворились в ней бесследно.

Она старалась. Они все старались. Приходили, отдавались, ломались, благодарили. А он смотрел и чувствовал только одно – пустоту.

Сегодняшняя ночь не принесла разрядки. Даже привычная скука обошла стороной – скука давно стала его постоянным фоном. Он уже не помнил, когда в последний раз что-то цепляло по-настоящему.

Кейн подошел к бару, взял свой хрустальный бокал, поднес к свету, проверяя, не осталось ли разводов. Идеально чист. Поставил на стойку строго параллельно другим – ровная линия стекла и металла. Пить не хотелось. Ничего не хотелось из того, что обычно помогало скоротать время между встречами.

Он прошел босиком по холодному мрамору, остановился у черной скульптуры в углу, провел пальцем по гладкой поверхности. Вещи вокруг него оставались постоянны. Люди – нет. Они приходили и уходили, и после каждого ухода внутри оставалось одно и то же – ничего.

Плеть лежала на журнальном столике, там, где он ее оставил. Кейн взял ее, провел пальцем по ремешкам – кожа еще хранила тепло. Он поднес ее к лицу, втянул запах. Ее запах. Потом аккуратно свернул и убрал в ящик стола, запер на ключ.

Он отвернулся от скульптуры и направился в душ. Вода смывает

следы чужой близости, но не избавит от главного – от ощущения, что все это уже было. Тысячу раз. С разными лицами, разными телами, разными именами, которые он забывал на следующее утро.

Кейн шагнул под прохладные струи и закрыл глаза. Вода стекала по спине, смывая соль и запах. Открыв глаза, он увидел, как на кафельной стене отражалось его собственное лицо – спокойное, холодное, чужое.

Глава 2. Ангел в аду

Утром город за окном казался чужим и выцветшим, словно ночь выпила из него все краски. Кейн сидел в кресле у панорамного окна с чашкой черного кофе, когда телефон завибрировал на журнальном столике. Он посмотрел на экран – мать. Идеальное начало дня.

– Кейн, – голос Элеоноры звучал бодро, как всегда по утрам, когда она уже успевала сделать тысячу дел, пока остальные еще продрали глаза. – Ты не забыл, сегодня открытие?

– Я ничего не забываю, – ответил он ровно, делая глоток кофе.

– Вот и чудно. Твое присутствие обязательно. Мы с отцом спонсируем этот кошмар уже пятый год, и хотя таланта там ноль, традиции надо соблюдать. К тому же, – она сделала паузу, – ректор будет. Лишние связи не помешают.

Кейн молчал, глядя на серое небо.

– Ты меня слышишь?

– Слышу.

– В два часа. Не опаздывай. И оденься прилично, без своего вызывающего минимализма.

Он усмехнулся, отключая звонок. Вызывающий минимализм. Она ненавидела его гардероб так же сильно, как он ненавидел ее бриллианты. Справедливый обмен.

Галерея при академии искусств встретила его гулом голосов, запахом дорогого кофе и дешевого волнения. Пространство наполнили родители, преподаватели, скучающие меценаты и студенты – одни с надеждой в глазах, другие с нарочитой расслабленностью, за которой прятался тот же страх.

Кейн двигался между гостями с бокалом воды, ни на ком не задерживая взгляда. Картины мелькали цветными пятнами – бездарные подражания, крикливые инсталляции, попытки эпатировать, которые вызывали только скуку. Он уже мысленно отсчитывал

минуты до того момента, когда можно будет уйти, сославшись на дела.

И тут он увидел Ее.

В углу зала, у стены, где свет падал мягче и теплее, стояла девушка. Она словно оказалась не в том пространстве – среди пестрых нарядов, открытых плеч, смелых декольте и модной небрежности она выглядела гостьей из другого века. Простое темно-синее платье с длинным рукавом, высокий ворот, никаких украшений, кроме тонкого серебряного крестика на шее. Волосы убраны в низкий пучок, открывая чистую линию шеи и бледные, почти прозрачные виски.

Она стояла чуть в стороне от своей картины, сложив руки перед собой, и тихо отвечала на вопросы редких посетителей. Когда кто-то подходил, она слегка наклоняла голову, слушала внимательно, а отвечая – краснела и отводила взгляд, словно извиняясь за то, что занимает чужое время.

Кейн остановился. Смотрел долго, изучающе. Вчера была рыжая, раздетая, покорная, с красными полосами на бедрах. Сегодня – эта. Закрытая, тихая, почти прозрачная. Контраст обжег холодным любопытством.

Он подошел ближе, рассматривая картину. Большое полотно, почти квадратное, написанное в приглушенных тонах. На первый взгляд – просто абстракция, слои света и тени. Но чем дольше смотрел, тем яснее проступала фигура. Не изображенная, а угаданная. Словно кто-то стоял за плотной завесой тумана, и свет пробивался сквозь него, очерчивая силуэт.

Внизу табличка: Кэтрин Мур. «В начале было Слово».

Кейн перевел взгляд на девушку. Она заметила его внимание и тут же опустила глаза, щеки тронул легкий румянец. Он улыбнулся – той самой улыбкой, от которой у женщин обычно подкашивались колени. Она осталась стоять ровно, лишь сильнее теребя край рукава.